

ГЛАВНЫЕ МЕДИКИ СТАРОЙ ГАТЧИНЫ 1792 – 1918

**Девятый старший врач Госпиталя
17 марта 1837 – 8 мая 1853**

**ФЁДОР КИРИЛЛОВИЧ ШКОТТЕ
(1803 – 1853)**

25 марта 1837 года персонал Госпиталя встречал нового старшего врача. Шкотте Фридрих Эдуард, в России быстро переименованный в Фёдора Кирилловича, 34 лет от роду, происходил из семьи пастора, в 1825 году окончил Медико-хирургическую академию в Петербурге лекарем 2-го отделения.

Ничего не скажешь, был он испытан в боевых условиях, служил уже при крупных госпиталях: Ораниенбаумском военном (1826 – 1828), Красносельском военно-временном (1828), Стрельнинском (1828), Петербургском Военно-сухопутном (1833 – 1837). Участвовал в Турецкую кампанию 1828 – 1829 годов

в боевых действиях под Фокшанами (ординатором военно-временного госпиталя) и в Силистрии (ординатором военного госпиталя). Старшим доктором с отрядом Гвардейской пехоты он командировывался в июле-ноябре 1835 года в город Калиш во время событий в Польше. Удостоен: ордена св. Анны 3 степени, серебряной медали и Высочайшего благоволения за Турецкую войну; св. Владимира 4 степени «за усердную службу и успешное пользование больных Гвардейского отряда, бывшего в городе Калише».

Был Фёдор Шкотте холост, а потому все силы мог отдавать службе.

Первые заботы

На нового руководителя Госпиталя сразу навалилось множество дел. Строились два каменных дома для госпитальных служителей и заканчивалась отделка здания аптеки. Да ещё вдруг возникло дело неприятного свойства. В Гарнизонном батальоне рядовой Финоген Васильев был осуждён за побег, кражу и пьянство к шпицрутенам через 500 (!) человек, но заболел и попал в городской Госпиталь.

В 5 часов утра 18 мая 1837 года Васильев добыл и тайно одел серую с большим воротником шинель лекарского ученика Андрея Карлова и бежал из Госпиталя вместе с другим лекарским учеником, Филиппом Ристалевым, служившим здесь еще с 1830 года. Ристалев был подстать Васильеву: неоднократно замечен в развратном поведении, за что и наказывался розгами.

Тотчас были высланы розыскные сведения во все города. Ристалева поймали в Москве и в июле судили при Департаменте Московского надворного суда. Присутствовавшие на процессе отец Ристалева, гатчинский садовник Абрам Ристалев, мать, сестра и брат услышали суровый приговор: отправить в Кронштадт в арестантскую роту. Но осуждённый заболел, у него обнаружился зуб и это стало препятствием к отправлению на службу. Филиппа Ристалева отправили в Литовский тюремный замок в Петербурге, откуда через некоторое время всё-таки выслали в арестантскую роту Кронштадта. Там через год он заболел чахоткой и умер в Морском госпитале.

О времена, о нравы!

В следующем, 1838 году старшему врачу Шкотте вновь пришлось решать непростое дело в отношении своего подчинённого.

Май того года в Гатчине выдался отменным! Рано распустились почки на деревьях, на дворе стояла тёплая погода с небольшим освежающим ветерком. Местами, на опушках окрестных рощиц голубовато-лиловыми куртинами цвела печёночница, кое-где над бурой травой высились соцветия медуницы. В ручьях, болотцах талой воды, а то и просто в лужах, перекаристо урчали лягушки. Пчёлы, шмели и комариная братия наполняли весенний воздух гудением, писком и жужжанием.

В общем, всё располагало к отдыху и прогулкам, чем обыватели города и не преминули воспользоваться. С утра до позднего вечера все, у кого было свободное время, выбирались на свежий воздух. Состоятельные домовладельцы привольно располагались за столиками в своих приусадебных садах, со вкусом пили чай, качались в гамаках, играли в различные игры.

Народ победнее и служивые прогуливались по окраинным улицам, сознательно избегая Большого проспекта с его грохотом от постоянно проезжающих экипажей, пылью от высохших и запахом от свежих конских «яблок».

Совсем простая публика, молодёжь и находящиеся в увольнении служители младших рангов для своих прогулок выбирали места попроще, где без помех можно было и повеселиться, и выпить, и найти сговорчивых девиц. В дворцовом городе имелось не так уж и много таких мест. Одним из них был Мартьянкин луг, расположенный как раз напротив Госпиталя, по другую сторону Большого проспекта. Луг простирался на довольно большое расстояние и изобилдовал уютными уголками в небольших рощицах и на берегах чистой речки. Вторым излюбленным местом прогулок молодёжи являлось старое кладбище, почти вплотную примыкающее к госпитальному околотку с северо-восточной стороны.

В день Вознесения, 12 мая, лекарский ученик Госпиталя Иван Андреев заработал увольнение со двора штаб-лекаря Шкотте и, конечно, по молодому делу, отправился на поиски приключений. По дороге ему встретился такой же молодой гуляка, мещанин Иван Нудин. Друзья тут же нашли весёлую девку Катерину Юнусову и уговорили её за приличное вознаграждение пойти с ними в «скрытое место» на Мариинскую улицу к кладбищу.

Молодые люди свободно проникли через пролом в ограде на территорию кладбища и вскоре отыскивали уютный, укромный, скрытый от посторонних глаз уголок меж старинных, полуразрушенных и накренившихся памятников. Компания напропалую веселилась, шутила и баловалась. Дошло дело и до телесных утех. Когда же всё благополучно закончилось, возник вопрос оплаты, как сказали бы сейчас, сексуальных услуг. По договорённости между приятелями, сделать это должен был Нудин. Но то ли жалко стало ему денег, то ли по стервозности характера, то ли по пьяному делу, но отказался он отдать Катерине условленные 80 копеек.

А дальше произошла довольно обычная в таких случаях история. Кто прав, кто виноват теперь установить довольно трудно, но получилось так, что Нудин девку побил прутом, да ещё и по голому телу. Якобы она плюнула ему в лицо, обозвала всякими словами. И грозилась заразить (и заразила-таки!) нечистой болезнью.

Короче, денег девка так и не получила, а потому на следующий день обратилась к властям с жалобой, правда, не на отказ заплатить деньги, а на битьё. Как наказан был мещанин Нудин, история умалчивает. А вот штаб-лекарю Шкотте предписано было разобраться в прегрешениях подчинённого.

В тот же день Андреева вызвали на квартиру старшего врача. Очень долго пытались получить от Ивана ответ, бил он Катерину или нет. Ещё через день, так ничего толком и не выяснив, но учтя, что Андреев на протяжении всей его службы в Госпитале с 1830 года показал «нрав скрытный, поведение дерзкое и не всегда трезвое, за что уже дважды был наказан розгами, в том числе и предшественником Шкотте доктором Паукером», нынешний старший врач приказал Андрееву переодеться в больничную одежду. Было ли в этом что-то унижительное для Андреева? Вполне вероятно, ибо последующие действия лекарского ученика показали, что он воспринял всё как покушение на его достоинство.

Не вынеся подобного обращения, Андреев 16 мая сбежал, но далеко уйти ему не удалось: на Мартьянкином лугу он был пойман двумя солдатами и ими же доставлен в тюрьму, где его допросил городской полицмейстер подполковник Ольдерогге и отправил под арест.

Прошло несколько дней. 20 мая, находясь в камере полиции, Андреев, со слов арестанта Сергеева, проведал о предстоящем наказании. А потому, узнав о

скором приходе доктора Шкотте и заслышав приготовления к наказанию розгами, неожиданно перед появлением госпитального начальства закрылся шинелью и порезал себе шею «быкстуром» (правильно, бикстуром, складным хирургическим ножом), скрытым до этого между пальцами ноги. С лёгкой раной шеи Ивана перевели в Госпиталь. Дальнейшее расследование показало, что Андреев пытался обмануть начальство. Сделан был однозначный вывод: «Намерение лишиться себя жизни ложно, т. к. он, находясь около 10 лет в фельдшерской должности, наверно знал в каких местах шеи можно нанести смертельные раны, к чему хирургический нож был довольно остр...».

Иван Андреев, происходящий из садово-служащих детей, в июне был наказан двумя месяцами ареста и 50 розгами в присутствии всех госпитальных служителей, но оставлен для дальнейшей службы в Госпитале.

Новые заботы

Наступил 1841 год. Служба старшего врача Госпиталя Фёдора Шкотте по-прежнему была полна трудов и забот. С весны начались большие работы по устройству сада позади Госпиталя (нынешняя площадка «Юность»). А по сторонам главного здания, ближе к Большому проспекту, закончилось возведение трёх каменных двухэтажных зданий для служащих (Эти здания и поныне украшают Госпитальный переулок). В одном из них, тот что стоял на углу Большого проспекта, вскоре поселился старший штаб-лекарь Шкотте. В дальнейшем в этом здании получали казённые квартиры все старшие врачи Госпиталя.

Работы по обустройству Госпитального сада продолжались до зимних холодов. При этом хорошо проявил себя новый помощник эконома Госпиталя Константин Люце. Сад получился на загляденье: ровные красивые дорожки, цветники, канавки с мостиками через них. А в центре сада красовался пруд с фонтаном. От канавок и цветников ныне ничего не осталось. А вот пруд и некоторые дорожки существуют и в наши дни. Правда, не так давно ещё действующий в пруду фонтан теперь не работает. Но планы по реконструкции бывшего Госпитального сада уже готовятся.

Зимой 1841/1842 годов городским медикам пришлось немало потрудиться в борьбе с инфлуенцей и прочими простудными заболеваниями. Но всё кончилось благополучно. 6 мая 1842 года Фёдор Шкотте получил орден св. Станислава 2 степени, что можно было рассматривать как благодарность за зимние труды.

Каждым летом главное здание Госпиталя закрывалось для ремонта и починки. На это время больные переводились в старое каменное здание, именуемое бывшей Суконной фабрикой (теперь в этом здании Дворец молодёжи). Но весной 1843 года произошел пожар в слесарных, фонарных и кузнечных мастерских Дворцового правления и комендантом Гатчины Люце отдано было распоряжение разместить мастерские в Суконной фабрике. Поэтому больных этим летом девать было некуда. У старшего штаб-лекаря Госпиталя Шкотте появилась тогда мысль о строительстве специального здания для Летнего госпиталя.

Летний госпиталь

22 сентября 1843 года Шкотте подал Главному медицинскому инспектору армии Вилье рапорт, в котором изложил свои соображения по этому поводу. Шкотте указал, что здание Суконной фабрики было весьма неудобным для Госпиталя. Во-первых, оно находилось в значительном отдалении от госпитальной аптеки, кухни, приёмной, бани. Трудно было доставлять туда

лекарства, а пища попадала к больным уже холодной. Во-вторых, больные по прибытии в приёмную, после обмытия и одетые в госпитальное бельё и обувь, должны были отправляться на Фабрику нередко по глубокой грязи; то же самое бывало, когда больные из Фабрики должны были идти в госпитальную баню.

Поэтому Шкотте просил Вилье походатайствовать перед Императором о постройке при Гатчинском госпитале летних деревянных палат. Самое удобное место для их размещения – в недавно разведённом саду за Богадельней.

Со всем этим Вилье был согласен, однако на его ходатайство выдать требуемую для строительства сумму Император ответил отказом и просил повременить.

Тут навалились на Шкотте совсем иные заботы, ибо с конца сентября среди питомцев Сиротского института началась эпидемия заболевания, сопровождаемого судорожным кашлем. К 9 октября заболело уже 8 воспитанников. Обследование показало, что болезнь эта передаётся от одного ребенка к другому. Медики Института затрачивали немало сил, чтобы прервать эпидемию. А тут неожиданно умер старший врач Сиротского, Иван Самойлович Бок, и тамошним медикам стало ещё труднее. Правда, последние годы Бок, честно говоря, не так уж много времени уделял лазаретным делам в своём Институте, т. к. одновременно преподавал в Петербургской Духовной академии. Работе в Сиротском Бок отдал более 15 лет и дослужился до чина действительного статского советника. После него осталось много записок, касательно медицинской науки.

Сослуживцы очень горевали по поводу кончины Бока, но жизнь продолжалась – нужно было ещё и лечить заболевших воспитанников. На помощь медикам Института пришёл старший штаб-лекарь Госпиталя Фёдор Шкотте, ставший 28 октября младшим врачом институтского лазарета по совместительству. А руководителем лазарета был назначен штаб-лекарь Антон Антонович Пфейфер, служивший здесь ещё с 1822 года младшим лекарем.

Но вернёмся к делам госпитальным! Летом 1844 года сильно обветшавшие деревянные строения бань и кладовых Госпитального городка были заменены каменными.

Наступила весна 1845 года и в Госпитале начали готовиться к очередному ежегодному косметическому ремонту палат и кабинетов главного здания. И снова появилась проблема: куда девать на это время больных? Старший штаб-лекарь Шкотте полтора года назад уже пытался добиться от начальства выделения средств на строительство специального здания для летнего госпиталя, но получил отказ.

17 мая 1845 года Шкотте вновь направил рапорт лейб-медику Вилье и просил его отпустить сумму, необходимую для постройки летних помещений для больных Госпиталя. На сей раз дело было решено положительно и вскоре началось составление проекта будущего здания. Однако строительство его началось только через год, а нынче руководству Госпиталя и персоналу в очередной раз пришлось приложить немало усилий, чтобы где-то разместить больных на время ремонта главного здания.

Весной 1846 года наконец-то началось возведение отдельного строения для летнего госпиталя. Место выбрано на противоположном от Богадельни краю Госпитального сада. Здание было одноэтажным, деревянным, но с каменной вставкой посередине фасада, выходящего на Бульварную улицу, от которой его отделял палисадник. Постройка и отделка затянулись до осени, так что и текущим летом, как только в главном здании начался ремонт, пришлось начальству Госпиталя изрядно потрудиться в поисках мест для размещения больных.

Помещения летнего госпиталя использовались для нужд здравоохранения Гатчины вплоть до Великой отечественной войны. Здание

было уничтожено пожаром во время отступления фашистов из Гатчины. В наши дни о месте, где когда-то было здание Летнего госпиталя, может догадаться лишь очень внимательный наблюдатель. Дело в том, что фундамент здания уцелел. Со временем его почти скрыла трава. Но, присмотревшись, можно заметить, что на поверхности газона, в створе со зданием бывшей Богадельни военного духовенства (Районная администрация), тянутся параллельно улице К. Маркса (бывшей Багговутовской) две незарастающие высокой травой параллельные полосы, которые многие принимают за пешеходные тропы.

В начале XX века Госпитальный сад, составляющий неотъемлемую часть Госпитального городка, представлял из себя прелестное, поистине заповедное место. Он был окружён зданиями: Богадельни военного духовенства; заразного отделения Госпиталя (ныне в здании Отделения – детская поликлиника Стомамедсервиса); Госпитальной богадельни и Летнего госпиталя. В наши дни почти утрачен великолепный вид на здание Госпитальной богадельни (Стоматологическая поликлиника) со стороны Багговутовской (К. Маркса) улицы. Дело в том, что разрослись густо и неудачно высаженные перед ней. Теперь только осенью, зимой и ранней весной, когда клёны стоят безлистными, в тёмное время суток перед наблюдателем с улицы К. Маркса открывается потрясающе красивое зрелище освещённых изнутри великолепных окон старой Богадельни. Поскольку другие, окружающие Госпитальный сад здания при этом не бросаются в глаза, создаётся полное впечатление, что вы находитесь в Гатчине лет этак 150 назад. Желающие могут это проверить!

Заканчивая рассказ о Летнем госпитале, выскажу пожелание реконструкторам площадки «Юность». По предполагаемому проекту на площадке должны быть небольшие строения, в которых разместятся магазинчики с прохладительными напитками, мороженым и т. п. Почему бы такое здание не построить на сохранившемся фундаменте Летнего госпиталя? Это здание, во-первых, восстановит былую планировку Сада, а, во-вторых, позволит хотя бы частично защитить площадку «Юность» от шума и выхлопных газов автомобилей, следующих по улице К. Маркса.

В 1848 году вышел в отставку старший врач лазарета Сиротского института Антон Пфейфер и руководство медицинской службой этого учреждения принял на себя в качестве совместительства старший врач Госпиталя Шкотте. Этим ещё больше укрепилось содружество двух основных лечебных заведений Гатчины. С этого времени Шкотте возглавлял оба учреждения до своей кончины.

В 1848 – 1849 годах и в октябре-декабре 1852 года наблюдались случаи холеры в Гатчине. Хотя размеров настоящей эпидемии эти вспышки не достигли, но потребовали многих усилий от Шкотте и медиков города. Наградой Шкотте стал орден св. Анны 2 степени (1848) и орден св. Анны с короной (1850).

С 9 января по 4 февраля 1853 года в Гатчинском Дворце пребывал Высочайший Двор. Всё это время штаб-лекарь Шкотте дежурил во Дворце. Рвение врача было замечено и уже 29 января лейб-медик Вилье просил Министра Императорского Двора присвоить звание Почётного гоф-медика, т. е. врача, коему доверяется обслуживать придворных сановников, врачу Гатчинского Дворцового правления коллежскому советнику Шкотте. Приказ Императора о назначении Шкотте Почётным гоф-медиком подписан 4 февраля.

В начале мая 1853 года, когда в Гатчине вновь пребывал Высочайший Двор, Шкотте был уже тяжело болен. Вместо него обязанности Почётного гоф-медика исполнял лекарь Госпиталя Гельмгольц.

8 мая 1853 года в 1 час 15 минут пополудни старший штаб-лекарь Госпиталя Фёдор Шкотте умер в возрасте 49 лет. Кончине предшествовала

кратковременная 13-дневная болезнь, по мнению лейб-медика Маркуса – гидро-перикардия. Фёдор Кириллович Шкотте руководил Госпиталем чуть более 16 лет.

Похоронили Фёдора Шкотте на лютеранском кладбище возле кирхи в Малом Колпине. В 1972 году, когда я только начинал свою карьеру краеведа,

дела службы привели меня в Малые Колпаны, в местную амбулаторию, деревянное здание которой находилось в двух шагах от кладбища. Но кладбища я не увидел. Вместо него был свежевырытый котлован для фундамента производственного здания завода «Авангард», цеха которого располагались в здании кирхи.

Помню удручающее зрелище котлована, где в глинистой почве местами проступали кости, а то и черепа людей, некогда покоившихся на этом погосте. В придорожном кювете валялись несколько памятников. Среди них был повреждённый надгробный камень с могилы старшего врача Гатчинского госпиталя Фридриха Эдуарда Шкотте. Окончив дела в амбулатории, я сходил домой за фотоаппаратом и запечатлел памятник. На его боковой стороне видна какая-то надпись. Что это за надпись теперь, к сожалению, не установить. Возможно, был упомянут родственник покойного. В книге краеведа Андрея Бурлакова «Гатчинский некрополь» указаны похороненные на кладбище в Малом Колпине ещё три человека по фамилии Шкотте: Александр фон Шкотте (1807 – 1867), коллежский ассессор; его вдова Амалия фон Шкотте (1812 – 1881) и Александр фон Шкотте (1840 – 1874). Возможно, это была семья брата Фёдора фон Шкотте.

Поскольку в это время в Гатчине отмечалось 150-летие существования больницы в новом здании (с 1822), то я сообщил руководству ЦРБ о памятнике Шкотте и о моей идее вывезти памятник из Колпан и установить его в сквере между главным зданием ЦРБ и бывшей богадельней. Однако идея не осуществилась. Sic transit gloria mundi (Так проходит мирская слава).

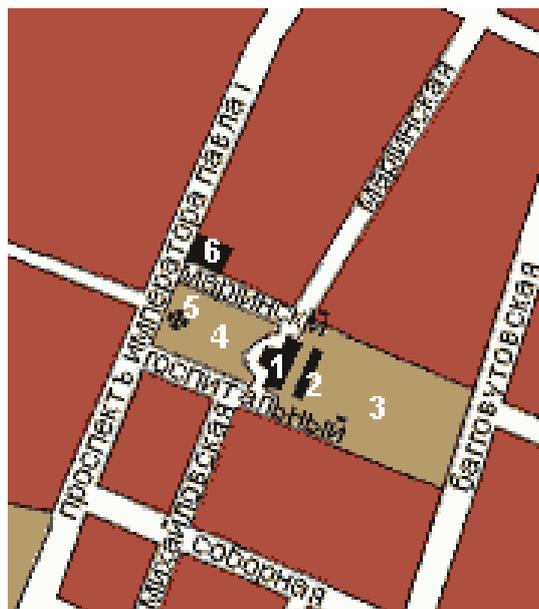
Госпитальный городок

Однако, Фёдор Шкотте в наши дни, слава Богу, не забыт. Мне довелось не раз писать в моих книгах об этом враче, имя которого связано с окончательным формированием уникального образования – Госпитального городка в Гатчине. Именно в бытность Шкотте старшим врачом Госпиталя, были возведены почти все постройки удивительного в тогдашней Европе и России медицинского учреждения. Осуществилось намерение Наследника Цесаревича Павла Петровича, ещё в 1792 году (Гатчина даже не город!) заложить в Гатчине образцовый для России (и, как оказалось, для всей Европы!) медицинский городок.

Уже в начале 1850-х годов такой городок появился в Гатчине, едва ли не самой малой из всех Дворцовых городов России. В Европе, да и в России, ничего подобного, по замыслу и по единому архитектурному стилю, не появится вплоть до 1914 года, когда вступит в строй потрясающая по архитектуре и оснащению больница Петра Великого (ныне больница им. Мечникова) в Петербурге!

На приведённой схеме: 1 – главное здание Госпиталя; 2 – Богадельня; 3 – Госпитальный сад (площадка «Юность»); 4 – сад перед Госпиталем (Ленинский садик); 5 – часовня св. Иосифа, Георгия и Зосимы (ныне на этом месте – памятник Ленину); 6 – лазарет Сиротского института.

Госпитальный городок – украшение современной Гатчины. С проспекта 25

Октября виднеется за садиком

величественное здание зимнего госпиталя (теперь Городской администрации). Продолговатое по фасаду, в середине выступ, в котором когда-то помещалась церковь. Сад перед Госпиталем (в советское время его называли Ленинским, а на месте часовни св. Иосифа, Георгия и Зосимы установили памятник Ленину) когда-то окружала красивая чугунная ограда, изготовленная на Александровском заводе Петербурга. Каменная невысокая ограда есть и теперь. Сад не так давно приведён в порядок, дорожки замощены плиткой, установлены чугунные фонари, высаживаются цветы, новые деревья посажены взамен утерянных.

Позади главного здания Госпиталя расположен небольшой сад, пока ещё запущенный, за которым виднеется бывшая богадельня (Стоматологическая поликлиника).

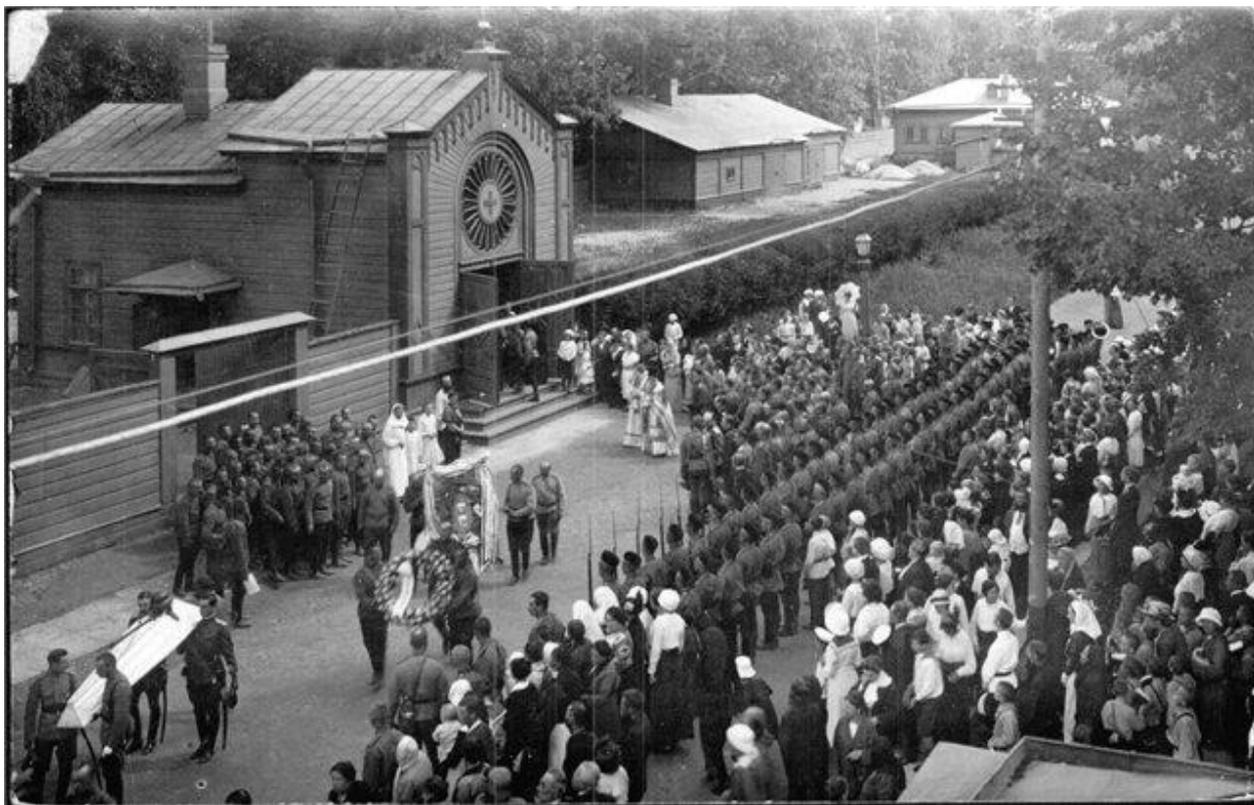
Справа и позади от богадельни стоит небольшой деревянный домик бывшего заразного отделения (фото 1970-х годов). Теперь это строение занято Детской поликлиникой Стоматосервиса. На кровле – надстройка с окнами для освещения внутреннего продольного коридора здания сверху.

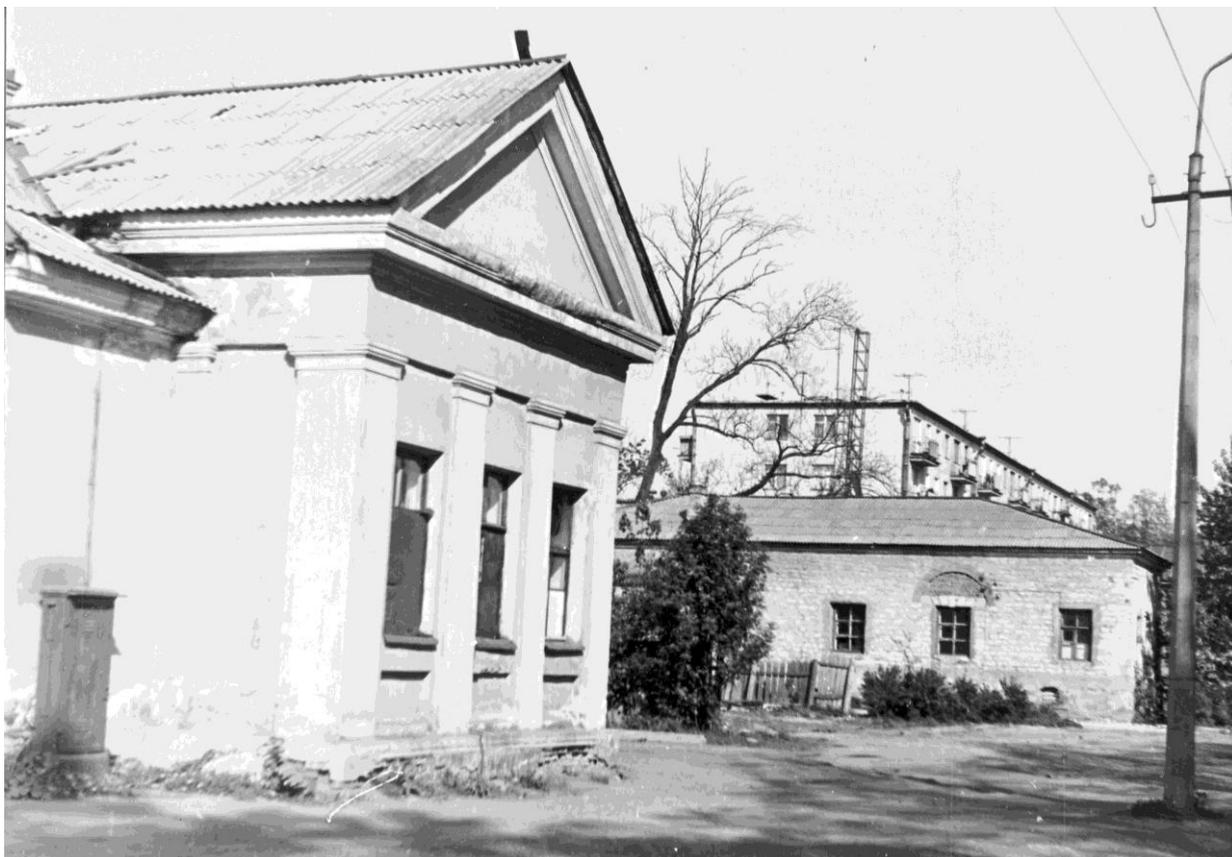
К сожалению, утрачено когда-то расположенное сразу за заразным отделением здание бывшего особого отделения. Оно предназначалось для размещения сумасшедших, буйных и т. п. больных. Здесь было 6 небольших комнат, разделённых по центру коридором, ванной, комнатой для сиделки, сторожа.

Против левого торца богадельни, по другую сторону бывшего Мариинского переулка, был деревянный анатомический покой с часовней. Там имелся водопровод и канализация. Пол был бетонный, а стены и потолок окрашены масляной краской. В часовне при анатомическом покое происходило отпевание усопших. За время существования часовни сотни гатчинцев отправились отсюда в свой последний путь. В 1960-х на окрашенном в голубовато-зелёный цвет здании, уже не имелось креста, часовни в нём, конечно, тоже не было, но помещение по-прежнему использовалось в качестве морга Центральной районной больницы, занимавшей в ту пору почти все

медицинские здания бывшего Госпитального городка. На снимке начала 1910-х годов – похороны офицера. Видно, что сквозного проезда от анатомического покая до Багговутовской улицы ещё не было.

Слева от утраченного анатомического покая расположено каменное строение кладовой для сыпучих продуктов с ледником (теперь в этом здании

размещается Гатчинское бюро путешествий). Левее когда-то находились деревянные строения госпитальной кухни, канцелярии и хозяйственных служб.

Справа от главного здания бывшего Госпиталя, если смотреть с Большого проспекта, по Госпитальному переулку расположились три двухэтажных каменных, облицованных черницкой плитой дома, одинаковой архитектуры. Первый из них стоит на углу означенного переуллка и бывшей Госпитальной (ныне Красной) улицы. В нём ранее размещалась госпитальная аптека, включающая и квартиру аптекаря. За бывшей аптекой стоит похожее на неё по архитектурному стилю здание бывшего склада аптеки. Теперь в этом строении – Бюро технической инвентаризации.

Два других дома отделены от бывшей аптеки Красной улицей. В одном из них, тоже углом, выходящем на Красную улицу и Госпитальный переулок (в 1960 - 1970-х годах здесь была Детская поликлиника), когда-то жили врачи и некоторые фельдшера. Второй дом стоит на углу Госпитального переулка и проспекта 25 Октября (некогда здесь размещался Горисполком). В этом доме находились квартиры старшего врача Госпиталя и некоторых врачей.

Возле этих домов, от угла бывшей аптеки к двору богадельни и между домами с квартирами, стоял раньше высокий, красивый забор из черницкого камня. В 1970-х весь забор был разобран и камни из него пошли на отделку нового двухэтажного здания, соединившего между собой оба жилых дома в квартале между Красной улицей и проспектом 25 Октября. В новом здании был оборудован зал для совещаний Горисполкома. На приведённом выше снимке, сделанном мною в 1973 году (прошу простить за ужасное качество), в цвете запечатлён момент, когда в здании на углу проспекта 25 Октября ещё располагался Горисполком, а на заднем плане виден стоящий торцом к проспекту деревянный одноэтажный дом, где в старой Гатчине жили смотрители Госпиталя. В 1960 - 1970-х годах в этом деревянном здании

находились: клиническая лаборатория и патолого-анатомическое отделение Центральной районной больницы.

Слева от Госпиталя, за переулком, на углу улицы Киргетова (бывшей Мариинской, а потом Госпитальной) в деревянном двухэтажном доме когда-то жили сиделки и некоторые фельдшера Госпиталя. Этот дом, в старой Гатчине называемый «Вязьмой», теперь жилой. Зимой 2013 года в доме был проведён основательный ремонт фасада и замена оконных рам на стеклопакеты. На снимке, сделанном мною в конце зимы 2013 года, дом уже отремонтирован, но ещё не окрашен. В таком виде дом простоял всего несколько месяцев, так что снимок представляет большую редкость. Обращают на себя внимание бережно сохранённые при ремонте печные трубы, форма которых характерна для XIX века.

Для завершения облика Госпитальной площади, напомню, что с левой стороны её замыкает здание бывшего лазарета Сиротского института. Это здание своими пропорциями точно соответствующее всем другим ближайшим строениям, хотя было возведено намного раньше других, в 1801 году. Рядом с этим зданием года три назад возведено двухэтажное каменное строение, пропорции которого тоже удачно вписались в ансамбль площади.

Учтём ещё, что, в целях единства композиции Госпитальной площади, архитекторы старой Гатчины постарались возвести на противоположной от Госпитального городка стороне проспекта несколько домов, весьма схожих в архитектурном отношении с госпитальными.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ